

“Польский момент” под угрозой

В июле стратегический треугольник Лондон – Париж – Берлин усилился с подписанием, во-первых, Нортвудской декларации, предусматривающей возможность координации британских и французских ядерных сил через создание *«управляющей ядерной группы»*, и, во-вторых, Кенсингтонского договора – англо-немецкого оборонного пакта. Эти соглашения дополнили франко-британский договор в Ланкастер-хаусе и франко-немецкий Ахенский договор.

Несмотря на то, что Польша подписала в мае Нансийский договор с Францией, она осталась в стороне от недавних переговоров в формате ЕЗ, в которых участвуют только Великобритания, Франция и Германия. Тем не менее, формирование нового правительства Дональда Туска из “Гражданской платформы” (ГП) по итогам октябрьских выборов 2023-го года – после восьми лет противостояния между Брюсселем и прежним руководством страны, представлявшим партию “Право и справедливость” (ПиС) – усилило ожидания увеличения влияния Варшавы в Европе.

В книге “Польша. История амбиций”, опубликованной в феврале 2025 года, Пьер Бюлер пишет о *«долгожданном “польском моменте”*». С точки зрения французского дипломата и бывшего посла в Варшаве, в связи с *«возобновившейся агрессивностью России»* Польша стремиться стать *«новым краеугольным камнем европейской безопасности»* – несмотря на то, что отсутствие собственной развитой военной промышленности и политически мотивированный отказ от присоединения к еврозоне ограничивают её потенциал. С другой стороны, победа на президентских выборах в июне Кароля Навроцкого, поддержанного национал-популистской партией ПиС, заставляет задуматься об истинных масштабах *«польского момента»*. Как предупреждает газета *Le Monde* от 23 июля, в то время как *«крайне правая оппозиция вышла из выборов усилившейся и оживлённой»*, коалиция Туска демонстрирует признаки раскола и *«рискует впасть в паралич»*.

Груз прошлого

В Польше проживает 38 млн человек, её ВВП на душу населения увеличился с 51 % до 80 % от среднеевропейского показателя с момента её вступления в ЕС в 2004 году. В то же время, предупреждает Бюлер, следствием глубокой трансформации страны стали также *«пробуждение призраков прошлого, и конфликты памяти ложатся грузом [...] на отношения Польши с её соседями»*. Это в особенности верно для *«исторической политики»* ПиС: ярко антинемецкие позиции национал-популистской партии отражают *«коллективный нарциссизм»* и подталкиваемую им идеологическую инструментализацию прошлого. В Польше история оставила *«намного более глубокий след, чем в большинстве других стран»*, утверждает Бюлер. В своей книге он сводит постоянные черты польского морального фактора, формировавшиеся веками, к трём ключевым элементам: *«Во-первых, ведущая роль католицизма; затем – роль Польши как бастиона от постоянных атак с Востока; наконец, негибкость нации, которая постоянно восставала против иноземного ига»*.

Польша пережила монгольское нашествие, экспансию Османской империи, оккупацию со стороны протестантов – пруссаков и шведов, а также православных русских. Католицизм, принятый в конце X века как *«оборонительная позиция»*, с течением веков стал основой национальной идентичности. Золотой век Польши пришёлся на XVI столетие – эпоху Речи Посполитой, конфедерации, ставшей вершиной унии польской короны и Великого княжества Литовского, начавшейся ещё в конце XIV века. В момент своего зенита польская выборная монархия занимала доминирующее положение в Центральной Европе, раскинувшись от Балтийского до Чёрного моря.

Отличительной чертой Польши в сравнении с другими европейскими средневековыми государствами, как утверждает Бюлер, было формирование кучкой *«магнатов» «самой настоящей олигархии, державшей в своих руках реальную власть»*. *Liberum veto*, которое после 1652 года гарантировало любому члену Сейма возможность заблокировать голосование, парализовало политическую систему. В рамках *«транзакционной»* логики выборов короля в обмен на новые привилегии центральная власть была постоянно ослаблена, что поощряло коррупцию и вмешательство других держав. Страна вошла в эпоху

своего упадка. *«Триумф контрреформации»*, а также разрушение протестантских церквей и погромы *«по наущению церковников»* изолировали Польшу от *«интеллектуальных течений Западной Европы, отдав всех, за малым исключением, дворян в руки растущего мракобесия»*. Пользуясь *«золотой свободой»* ценой всё более жёсткой эксплуатации крестьян, дворяне испытывали *«чувство превосходства над другими частями общества и придерживались ксенофобской позиции»*. После исчезновения Польши с карты мира – результат трёх разделов, осуществлённых Россией, Пруссией и Австро-Венгрией¹ в 1772, 1793 и 1795 годы – католическая церковь стала *«душой разделённой нации и убежищем в ожидании лучших времён»*.

Конфликтное соседство

Враждебность литовских, белорусских и украинских крестьян к *«польским господам»* время от времени выливалась в бунты. Как пишет Бюлер, в 1648 году, во время восстания украинских крестьян, происходила резня католического духовенства, польского дворянства, *«а также евреев, обвинённых в служении господам»*. Схожие столкновения случались в течение XVII и XIX веков. После восстановления независимости в 1918 году – возродившего образ Польши как *«Христа народов»* – Варшава прошла через шесть войн с соседями, чтобы закрепить свои границы. Национал-демократическое течение Романа Дмовского выступало за *«государство как централизатор и интегратор»* и *«насильственную колонизацию»* меньшинств, а течение Юзефа Пилсудского защищало картинку ягеллонской Польши, *«что заключала бы в своих прежних границах – от Балтийского моря до Чёрного (Междуморье) – также белоруссов, украинцев и литовцев»*.

Пилсудский, начавший свой путь в Польской социалистической партии, стал главой государства и объявил: *«Я сел на трамвай социализма, но вышел на остановке независимости»*. После государственного переворота 1926 года, поставившего точку в *«демократической главе»*, он проводил политику балансирования между СССР и Германией, подписав договор о ненападении с Москвой в 1932 году и с Берлином в 1934-м. После смерти Пилсудского в 1935 году Польша, считавшая себя великой державой, *«ослеплённая высокомерием»*, замкнулась в себе, ведомая *«узким национализмом в поисках “польской Польши”, хотя почти треть её населения составляли украинские, еврейские, белорусские и немецкие меньшинства»*. Таким образом, Варшава, не скрывавшая *«свою симпатию к Франко во время испанской гражданской войны»* и поддерживавшая *«нападение Муссолини на Эфиопию»*, вместе с нацистской Германией участвовала в разделе Чехословакии после Мюнхенских соглашений 1938 года, оккупировав часть Силезии. Через год уже сама Польша стала добычей Германии и СССР, что вторглись на её территорию.

Немецкая оккупация Украины, сперва встреченная *«как знак грядущего создания независимого украинского государства»*, сподвигла радикальные фракции украинских националистов на насильственные выступления против поляков с использованием методов этнических чисток, которым они научились у немцев, поучаствовав в убийстве примерно 200 тыс. евреев. Поляки ответили тем же масштабом насилия. Даже в Литве вторжение нацистов *«дало литовцам случай поквитаться с поляками за Вильно [...] и посотрудничать с нацистским режимом в уничтожении более 60 тыс. евреев»*.

Европа и польский католицизм

Во время второй мировой войны Польша была разрушена и потеряла более одной шестой своего населения: погибли 6 млн человек, из них 3 млн евреев. Уничтожение евреев, перенос границ на Запад и переселение примерно 7 млн человек привело к тому, что после войны 90 % населения страны составили поляки-католики, что, по словам Бюлера, случилось впервые с самого польского завоевания Галиции в 1349 году. Под властью Москвы католическая церковь вновь оказалась *«на переднем крае – единственной организованной силой, имевшей право существовать вне рамок государственной власти и в то же время быть от неё независимой»*. Историк акцентирует внимание на бодрящем эффекте избрания польского Папы в 1978 году, а также роль церкви в союзе со светской интеллигенцией и рабочими, организованным в профсоюзе *«Солидарность»*, в сопротивлении русскому господству. В дополнении к *«традиции восстаний, закалённой в невзгодах оккупаций»*, *«цемент*

католицизма, – пишет он, – уберёт нацию от ассимиляции в течение примерно 120 лет российской оккупации».

За крахом ложного социализма последовало возвращение независимости, и в 1990-е годы Польша под руководством министра иностранных дел Кшиштофа Скубишевского проводила внешнюю политику, вдохновлённую “Доктриной Гедройца”, которую Бюлер характеризует как *«разрыв с национализмом»*. Эта доктрина, названная по имени польского интеллектуала Ежи Гедройца, который основал во французской эмиграции журнал *Kultura*, требовала от Польши признать территориальный *статус-кво*, сложившийся после 1945 года, и считать Украину, Литву и Белоруссию странами, равными ей. Гедройц считал необходимым отказаться от мифа *«ягеллонской»* Польши и довоенной модели политики независимости. Бюлер признаёт также усилия папы Кароля Войтылы в приближение Польши к Европейскому союзу. При этом он предполагает, что сам Папа видел в Польше миссионера по “переевангелизации” Старого Света, и утверждает, что *«культурная контрреволюция»*, задуманная ПиС, *«черпает вдохновение в доктринальном наследии Иоанна Павла II, сформированном как альтернатива “цивилизации смерти”, которую тот неустанно обличал в Западной Европе»*. Ирония истории состоит в том, что Католическая церковь, неустанно пытавшаяся привязать Польшу к Евросоюзу, столкнулась с ситуацией, когда польское духовенство *«открыто поддержало»* политику ПиС – вразрез с евро-ватиканской линией Рима.

В момент, когда американские гарантии безопасности стали как никогда неопределёнными, польская буржуазия – некогда поддерживавшая войну в Ираке в 2003 году и тем самым способствовавшая расколу Европы – вынуждена искать баланс между атлантизмом, национализмом и европеизмом. Этот поиск равновесия будет определяющим как для электорального успеха, так и для трансформации трансатлантических отношений, которая сопровождается попыткой укрепить европейский империализм. Непростое испытание.

Июль – август 2025 г.

¹ - Австро-Венгрия была образована в 1867 году. Австрийская империя – в 1804 году. До этого существовали разрозненные территории Габсбургской империи.